

УДК 343.2

DOI: 10.34670/AR.2020.97.14.017

Формы соучастия в преступлении**Самуратова Айгуль Урынбаевна**

Аспирант кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: aigul_aruzhan@mail.ru

Аннотация

Проблема соучастия всегда относилась к числу спорных, некоторые ее аспекты остаются дискуссионными по сей день. Одним из таких вопросов является проблема юридической природы соучастия. Понимание юридической природы соучастия оказывает влияние на законотворческую деятельность. Сложность определения юридической природы соучастия состоит в том, что в одних случаях соучастие образует институт Общей части, в других является самостоятельным преступлением в Особенной части уголовного права. Поэтому весьма важным является теоретическое обоснование уголовной ответственности соучастников при различных формах и видах соучастия. Правильная квалификация действий (бездействия) соучастников зависит напрямую от уяснения сути понятия правовой природы соучастия, которая может быть теоретическим обоснованием такой квалификации. В статье рассматривается классификация соучастия по формам и видам. Исследованы нормы института соучастия по действующему российскому уголовному законодательству, дана авторская классификация всех возможных вариантов совместного совершения преступления, рассмотрены основные точки зрения на проблему классификации соучастия в науке уголовного права. Выявлены критерии, используемые в доктрине для классификации соучастия по формам. Сформулировано определение понятия «форма соучастия». Проанализированы квалификация преступлений, совершенных в соучастии, и назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии.

Для цитирования в научных исследованиях

Самуратова А.У. Формы соучастия в преступлении // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 10А. С. 126-133. DOI: 10.34670/AR.2020.97.14.017

Ключевые слова

Соучастие, формы соучастия, виды соучастия, классификация соучастия, преступление.

Введение

Действующий уголовный закон не содержит определения понятия «форма соучастия», оставляя решение указанной проблемы теоретикам уголовного права и ограничиваясь только констатацией разновидностей.

Основная часть

Форма означает «вид, тип, устройство, структура, внешнее выражение чего-нибудь, обусловленные определенным содержанием» [Ожегова, 1985, 743]. Однако в уголовном праве важна конкретизация понятий. Определение понятия формы соучастия постоянно оставалось за рамками уголовного закона, что в немалой степени обусловлено спецификой конструирования норм Особенной части УК РФ: составы преступлений, за некоторыми исключениями, описывают индивидуальную преступную деятельность. По указанной причине в случае совершения преступления усилиями двух и более лиц, не все из которых участвовали в выполнении объективной стороны соответствующего состава преступления (так называемое соучастие с распределением ролей), для правильной квалификации содеянного правоприменителю необходимо прибегать к нормам Общей части УК РФ, регламентирующим деятельность организатора, подстрекателя и пособника. При совершении преступления совместными усилиями нескольких лиц, действия каждого из которых содержат лишь часть объективной стороны соответствующего состава преступления, для надлежащей уголовно-правовой оценки совершенного преступления также следует руководствоваться нормами института соучастия в преступлении, регламентирующими соисполнительство и групповую преступную деятельность. Однако нормы Общей части уголовного закона по причине их обобщающего содержания и меньшей (по сравнению с нормами Особенной части УК РФ) казуистичности в описании являются более сложными для применения в практической деятельности. Данный вопрос всегда решался в теории уголовного права и до сих пор является одним из самых дискуссионных вопросов института соучастия. Предлагаемые исследователями различные классификации форм соучастия всегда были тесно связаны с индивидуальным пониманием необходимости подразделения соучастия на формы и обоснованием единого критерия.

Среди ученых советского периода существенный вклад в решение проблем соучастия в преступлении внесли Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, П.И. Гришаев, А.Ф. Зелинский, Н.Г. Иванов, М.И. Ковалев, Г.А. Кригер, А.А. Пионтковский, П.Ф. Тельнов, А.Н. Трайнин, М.Д. Шаргородский, М.А. Шнейдер.

М.И. Ковалев, изучив соотношение понятий вида и формы соучастия, пришел к выводу о том, что соучастие, как и всякое явление, имеет внутреннюю и внешнюю стороны, в связи с чем виды соучастия выделяются по критерию внутренней связи между участниками преступления, а деление на формы должно основываться на характере деятельности отдельных соучастников преступления. Он предлагает классифицировать соучастие на следующие виды: 1) соучастие без предварительного соглашения; 2) соучастие с предварительным соглашением, которое включает: а) простое соучастие с предварительным соглашением; б) соучастие с предварительным соглашением, носящее характер преступной организации. Формами же соучастия должны считаться два различных характера преступной деятельности: 1) совиновничество; 2) соучастие в тесном смысле слова [Ковалев, 1962, ч. 2, 199-200].

М.Д. Шаргородский отмечает, что вопрос о формах соучастия имеет значение лишь с точки зрения установления круга ответственных в этих случаях лиц и объема тех деяний, за которые они несут ответственность. Отрицая существование соисполнительства как соучастия, автор предлагает различать: 1) совиновничество, когда несколько лиц совместными исполнительскими умышленными действиями причиняют умышленно или по неосторожности преступный результат; 2) простое соучастие, когда несколько лиц совместными умышленными действиями различного характера (исполнитель, подстрекатель, пособник, организатор) причиняют умышленно или по неосторожности преступный результат; 3) преступную организацию, когда несколько лиц объединяются для определенной преступной деятельности без предварительного установления всех конкретных ее проявлений [Беляев, Шаргородский, 1968, т. 1, 381-384].

М.А. Шнейдер определил форму соучастия как структуру связи двух или более лиц, совместно совершающих умышленное преступление. Он указал, что в зависимости от содержания, т. е. от характера объединения, от степени организованности соучастников и от распределения между ними ролей в совершении преступления, соучастие имеет различные формы. В своих рассуждениях он акцентирует внимание на организационной стороне совместной преступной деятельности при соучастии и различает следующие три формы: 1) простое соучастие (совиновничество, или соисполнительство); 2) сложное соучастие (соучастие в тесном смысле слова); 3) преступное сообщество [Шнейдер, 1958].

По мнению П.Ф. Тельнова, форма соучастия – это его внешняя сторона, определяемая по способу взаимодействия виновных, в связи с чем он предлагает различать соисполнительство, соучастие с исполнением различных ролей, преступную группу и преступную организацию [Тельнов, 1974].

Особое место в научном понимании форм соучастия занимает И.П. Малахов, предложивший называть формами соучастия роли соучастников (исполнительство, подстрекательство и пособничество). Он полагает, что традиционное деление соучастия на совиновничество (соисполнительство) и соучастие в тесном смысле слова (с распределением ролей) не имеет ни практического, ни теоретического значения, а деление по степени общественной опасности с учетом субъективной связанности соучастников страдает неопределенностью критерия. Анализируя цели уголовного закона, И.П. Малахов приходит к выводу о том, что перечислением в законе форм преступной деятельности, в которых может проявляться соучастие, законодатель ограничивает соучастие от неучастия, соучастников от неучастников, и эти установленные законом формы, в которых может проявляться деятельность соучастников, и являются в действительности формами соучастия [Малахов, 1960].

Ф.Г. Бурчак считает, что единственно обоснованным критерием классификации форм соучастия как института уголовного права может быть конструкция составов преступления, определяющих ответственность соучастников, и выделяет три формы соучастия: соучастие в собственном смысле этого слова (сложное соучастие), образующее институт Общей части уголовного права; соучастие особого рода, при котором ответственность соучастников прямо предусмотрена в статьях Особенной части УК; соисполнительство, при котором каждый из сообща действующих лиц непосредственно своими действиями полностью или частично осуществляет преступление, предусмотренное статьями Особенной части УК, которые не включают признака группового преступления [Бурчак, 1969, 122-124]. Разграничение соучастия на формы должно проводиться в зависимости от типизированной, т. е. отраженной в законе,

совокупности объективных и субъективных признаков преступного деяния, выполненного в соучастии. Хотя предложенная классификация внешне выдерживает логику единства критерия и отличается относительной простотой конструкции, все-таки, на наш взгляд, расплывчатость понятия «соучастие в особом роде» будет вносить неопределенность и неудобство в правоприменительную практику. В частности, соучастие особого рода, целиком охватывая различные формы преступных объединений, выделенных в специальные составы преступлений, содержащиеся в Особенной части уголовного закона, не позволяет исключить факты одновременной квалификации с учетом сложного соучастия и соисполнительства. Таким образом, понятие соучастия особого рода будет иметь преимущественно теоретическое значение, объединяющее определенные разновидности преступных формирований, регламентированные в Особенной части УК. Данные преступные формирования имеют различную природу существования, в связи с чем происходит «наслоение» признаков одних форм объединения соучастников на признаки других.

Профессор В.С. Комиссаров отмечает следующее: хотя виды и формы соучастия и являются взаимосвязанными понятиями, они имеют самостоятельную природу. Подразделение соучастия на виды сопряжено с определением оснований ответственности соучастников, а также индивидуализацией их ответственности, а установление конкретной формы соучастия позволяет дать оценку характера и степени общественной опасности совместной преступной деятельности в целом [Комиссаров, 2005]. Под формой соучастия мы должны понимать внешнюю сторону совершения преступления, которая отражает степень согласованности действий соучастников как при подготовке, так и при совершении конкретного преступления. По данному критерию им выделяются: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Однако представляется, что определение какой-либо формы соучастия не может ассоциироваться исключительно с характером и степенью общественной опасности, которая является оценочным признаком.

Анализ философских категорий содержания, формы и вида позволяет прийти к выводу о том, что форма – это прежде всего внешнее выражение чего-либо, способ существования содержания и, соответственно, может представлять собой только объективный критерий. Понятие вида как философской категории означает структурную единицу определенной формы явления. Многообразные случаи совместного совершения преступления могут выражаться не только в разных формах, но и различаться по видам [Рарог, 2001, 258]. Тем самым вид отражает внутреннюю сторону явления, т. е. субъективный критерий.

Думается, такое понимание соотношения формы и вида наиболее достоверно отражает сущность понятия «формы соучастия», принимая во внимание то, что любое преступление, совершенное в соучастии, прежде всего выражается в виде умышленного действия или бездействия соучастников. Субъективная связь между двумя или более лицами не может быть признана преступлением, если их умысел не был реализован и воплощен в преступном деянии. «Деяние всегда конкретно и совершается виновным в определенных условиях, месте, времени, т. е. всегда является проявлением поведения человека во внешнем мире» [Кузнецов, Тяжкова, 1999, т. 1, 219]. Обнаружение преступного умысла, т. е. определенной субъективной связи между двумя или более лицами, не является преступлением, так как не может быть предметом уголовно-правовых отношений.

Форма соучастия в первую очередь характеризует связь именно между деяниями виновных.

Действующий УК РФ, принявший за основу трехэлементный критерий разграничения форм

соучастия в совершении преступления, исходит как из объективной связи между деяниями соучастников, так и из субъективной связи между самими соучастниками. Критерий степени согласованности подразделяет соучастие на соучастие с предварительным сговором и соучастие без предварительного сговора, критерий совместности деяний – на соисполнительство и соучастие с распределением ролей, критерий организованности – на организованную группу и преступное сообщество (преступную организацию).

Данные классификации вызывают на практике многочисленные трудности по причине необоснованного «наслоения» признаков одной формы соучастия на другие совершенно самостоятельные формы соучастия. Например, соисполнительство может иметь место и в группе лиц, и в организованной группе, и в преступном сообществе, а соучастие с распределением ролей фактически идентично понятию группы лиц по предварительному сговору. Следовательно, наличие в деянии более общественно опасного признака «группа лиц» всегда зависит от правоприменителя, что является определенным нарушением принципов равенства граждан перед законом, вины и справедливости.

Классификация форм соучастия по степени согласованности, в которой имеется разграничение группы лиц и группы лиц по предварительному сговору, основана на моменте формирования сговора, под которым большинство специалистов понимает предварительное соглашение между участниками преступления по поводу совместного совершения одного либо нескольких преступных деяний. Данное соглашение должно быть достигнуто до начала совершения преступления, т. е. выполнения объективной стороны состава преступления хотя бы одним исполнителем. Однако детальный анализ понятия и признаков предварительного сговора, его соотношения с признаками состава преступления и уголовно-правового значения заставляет задуматься о том, насколько важно наличие сговора для подразделения соучастия на формы и может ли один сговор стать достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности. Ведь в следственно-судебной практике нередко встречаются ситуации, когда в действиях нескольких лиц имеет место предварительный сговор, но отсутствует совместная деятельность по совершению преступления.

На наш взгляд, уголовный закон необоснованно дублирует понятие «соисполнительство» понятием «группа лиц», а понятие «соучастие с распределением ролей» – понятием «группа лиц по предварительному сговору». Ведь совершение преступления при соучастии, в сущности, само по себе подразумевает наличие группы, так как, согласно ст. 32 УК, соучастие представляет собой «умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления». В другом случае ч. 1 ст. 35 УК гласит: «Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два и более исполнителя без предварительного сговора». Нет необходимости в детальном исследовании данного положения, чтобы убедиться в его одинаковом «звучании» с соисполнительством, предусматривающим непосредственное совершение преступления либо участие в его совершении лицом совместно с другими лицами (ч. 2 ст. 33 УК). Единственным отличительным признаком группы лиц выступает акцентирование внимания на понятии предварительного сговора. Таким образом закон регламентирует и наличие группы лиц по предварительному сговору.

Можно утверждать, что любая форма соучастия как таковая обладает и количественным, и качественным признаками группы лиц, где при каждой форме соучастия, предусмотренной уголовным законом, в совершении преступления *совместно* участвуют *два и более лица*, что уже само по себе свидетельствует о наличии группового преступления. Хотя в сложившейся

практике и юридической литературе высказываются точки зрения о существовании группы только в случаях соисполнительства в совершении преступления двух и более лиц, думается, подобный подход отрицательно влияет на единообразие применения закона и нарушает логическое обоснование уголовной ответственности виновных лиц при выборе определенной формы соучастия.

Представляется, что исключение из действующего уголовного закона понятий «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору» во многом упорядочит и стабилизирует практику дознания, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел в отношении соучастников преступлений и преступной деятельности.

Заключение

Наиболее приемлемым видится традиционный подход к классификации форм соучастия в преступлении с делением на простое соучастие (соисполнительство) и сложное соучастие (соучастие с распределением ролей). Простое соучастие (соисполнительство) характеризуется тем, что все совместно действующие лица непосредственно выполняют объективную сторону преступления, в сложном соучастии (соучастии с распределением ролей) все соучастники исполняют различные роли. Особенность сложного соучастия заключается в том, что исполнитель непосредственно выполняет действия, образующие объективную сторону преступления, в то время как другие соучастники (организатор, подстрекатель, пособник) создают условия для совершения преступления. Деятельность соучастников находится за рамками состава преступления, которое совершает исполнитель, в связи с чем квалификация их деяний производится со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Большинство авторов к настоящему времени согласились с наличием в механизме соучастия четырех видов соучастников: исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника, признаки которых подробно отражены в действующем уголовном законодательстве и специальной литературе. Поэтому способы объединения и взаимодействия соучастников при совершении преступления достаточно подробно исследованы. Тем не менее при квалификации деятельности двух или более соисполнителей и других соучастников закон вводит в действие понятие группы лиц по предварительному сговору.

Библиография

1. Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. (отв. ред.) Курс советского уголовного права: в 5 т. Л.: ЛГУ, 1968. Т. 1. 648 с.
2. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев: Наукова думка, 1969. 216 с.
3. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1962. Ч. 2. 273 с.
4. Комиссаров В.С. (ред.) Российское уголовное право. Общая часть. СПб.: Питер, 2005. 560 с.
5. Кузнецов Н.Ф., Тяжкова И.М. (ред.) Курс уголовного права. М.: Зерцало, 1999. Т. 1. 592 с.
6. Малахов И.П. Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1960. 26 с.
7. Ожегов С.И. (ред.) Словарь русского языка. М., 1985. 797 с.
8. Рарог А.И. (ред.) Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М., 2001.
9. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юридическая литература, 1974. 208 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
11. Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. 98 с.

The forms of complicity in a crime

Aigul' U. Samuratova

Postgraduate at the Department of criminal law,
Kazan Federal University,
420008, 18 Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: aigul_aruzhan@mail.ru

Abstract

The issue of complicity has always been a controversial one, and some aspects remain debatable to this day. The legal nature of complicity is one of them. Understanding of the legal nature of complicity has an impact on legislative activities. The complexity of determining the legal nature of complicity consists in the fact that in some cases complicity forms an institution of the General part of criminal law, in others it is an independent crime in the Special part. Therefore, it is very important to provide a theoretical justification for the criminal liability of accomplices in various forms and types of complicity. The correct legal assessment of actions (inaction) of accomplices depends directly on the understanding of the essence of the concept of the legal nature of complicity, which can be a theoretical justification for such assessment. The article deals with the classification of complicity by forms and types. It studies the norms of the institution of complicity in the current Russian criminal legislation, describes the author's classification of all possible variants of joint participation in the commission of a crime, and considers the basic points of view on the problem of classification of complicity in criminal law. The author of the article identifies the criteria used in the doctrine for the classification of the forms of complicity, formulates the definition of the concept "form of complicity", and carries out an analysis of the legal assessment of joint participation in the commission of a crime and the sentencing for it.

For citation

Samuratova A.U. (2020) *Formy souchastiya v prestuplenii* [The forms of complicity in a crime]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (10A), pp. 126-133. DOI: 10.34670/AR.2020.97.14.017

Keywords

Complicity, forms of complicity, types of complicity, classification of complicity, crime.

References

1. Belyaev N.A., Shargorodskii M.D. (eds.) (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava: v 5 t.* [A course in Soviet criminal law: in 5 vols.], Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.
2. Burchak F.G. (1969) *Uchenie o souchastii po sovetskomu ugolovnomu pravu* [The doctrine of complicity in Soviet criminal law]. Kyiv: Naukova dumka Publ.
3. Komissarov V.S. (ed.) (2005) *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russia's criminal law. The General part]. St. Petersburg: Piter Publ.
4. Kovalev M.I. (1962) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a crime], Part 2. Sverdlovsk.
5. Kuznetsov N.F., Tyazhkova I.M. (eds.) (1999) *Kurs ugolovnogogo prava* [A course in criminal law], Vol. 1. Moscow: Zertsalo Publ.
6. Malakhov I.P. (1960) *Souchastie v voinskikh prestupleniyakh v svete obshchego ucheniya o souchastii po sovetskomu ugolovnomu pravu. Doct. Diss. Abstract* [Complicity in military crimes in the light of the general doctrine of complicity]

Aigul' U. Samuratova

-
- in Soviet criminal law. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
7. Ozhegov S.I. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow.
 8. Rarog A.I. (ed.) (2001) *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [The criminal law of the Russian Federation. The General part]. Moscow.
 9. Shneider M.A. (1958) *Souchastie v prestuplenii po sovetskomu ugovnomu pravu* [Complicity in a crime under Soviet criminal law]. Moscow.
 10. Tel'nov P.F. (1974) *Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii* [Liability for complicity in a crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.
 11. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996* [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ [Accessed 15/09/20].